

УДК. 82.09.-3.+882

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА Г. ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»

Игнатиев Н.Е.

Имя Гайто Газданова, представителя молодого поколения первой волны русской литературной эмиграции, к сожалению, и сегодня не очень известно современному читателю, несмотря на то, что произведения писателя изданы на протяжении 1990-х гг. как отдельными томами избранного, так и в трехтомном собрании (следует заметить, небольшими тиражами). Снискавший себе славу на чужбине, этот писатель, осетин по национальности, мечтал о публикации своих произведений в России, но все же путь его к читателю на родине оказался очень долгим и сложным.

На протяжении последних пятнадцати лет появилось немало исследовательских работ, посвященных феномену русского литературного зарубежья, и определенное место в этих трудах отведено творчеству Г. Газданова. Здесь в первую очередь следует назвать разыскания Л. Диенеша, Ст. Никоненко, Л. Сыроватко, С. Семеновой.

Литературное наследие Г. Газданова разнообразно в жанровом плане и включает автобиографическую трилогию, ряд романов, рассказы, публицистику. Данная статья посвящена изучению особенностей художественного мира романа «Вечер у Клэр». Поставленная проблема не являлась предметом специального исследования, поэтому указанный аспект изучения автобиографического произведения Г. Газданова является *актуальным*. *Цель работы* состоит в раскрытии приемов художественного мастерства писателя, которые дали возможность выразить глубину внутреннего мира героя и одновременно воплотить объективную картину сложной и противоречивой действительности первой четверти XX века.

Книга «Вечер у Клэр» является первой частью автобиографической трилогии Г. Газданова: она опубликована в Париже в 1929 году и снискала славу молодому, начинающему автору. Газданов как прозаик был сразу же высоко оценен М. Осоргиным, Г. Адамовичем, В. Набоковым, его именовали «равновеликим соперником» Набокова [3, с.354]. «Не случайно, – подчеркивает С.Семенова, – герой набоковского рассказа «Тяжелый дым» среди немногих любимых книг называет «Вечер у Клэр» [5, с.77]. Этот роман является самым «известным, знаковым» для Г. Газданова произведением, так как здесь «уже были заявлены и особый фокус его взгляда на мир, философский анализ..., образы и мотивы его творчества 20-30-х годов, экзистенциально-автобиографического в своей основе» [5, с.78].

После публикации первых произведений Г. Газданова большинство критиков из среды русской эмиграции в поисках литературных предшественников Газданова «обратили внимание на Марселя Пруста. О влиянии Пруста говорили чуть ли не хором. Газданов не отрицал этого и не соглашался. Лишь спустя почти сорок лет в одном из интервью он сознался, что ко времени написания «Вечера у Клэр» он Пруста попросту

не читал и познакомился с его знаменитой серией романов «В поисках утраченного времени» значительно позже» [4, с.9]. Размышляя о художественной природе романа, о своеобразии повествовательной манеры Г. Газданова, следует прежде всего указать, что для писателя характерно воссоздание картин путем ассоциаций, когда кажется, что все здесь довольно случайно. И тем не менее, уже критики в эмиграции отмечали, что роман обладает «подлинным художественным единством», которое кроется прежде всего в особой настроенности произведения. Несомненно, в романе ощутимы прежде всего попытки автора сконцентрировать внимание на особенностях осмысления героем собственного «я», что и характерно прежде всего для экзистенциальной прозы. Ведь «то, что выражается этим понятием, так или иначе существовало в литературе практически всегда, обнимаясь вечными, проклятыми вопросами, связанными с переживанием роковых пределов и границ человеческого смертного бытия» [5, с.67]. В русской литературе первой волны эмиграции экзистенциальное сознание «обнаружило себя с особой остротой и чистотой... Осознавая свое особое положение, свое уникальное душевное и умственное состояние, молодые писатели и поэты, исходя из него, определяли свой выбор и творческую задачу» [5, с. 68].

Роман «Вечер у Клэр», если отталкиваться даже от его названия, сразу же настраивает читателя на осмысление проблем, связанных с движением времени и определенной точкой его отчета для главного героя. Здесь уместно припомнить слова Л. Сыраватко, касающиеся того, что «пробужденный вопросом» о смысле жизни и им же превращенный в «путешественника», герой Г. Газданова поставлен перед необходимостью *немедленно* дать ответ на него, осознавая всю его вековечную открытость» [6, с.659]. Г. Газданов в название романа внес и элемент, интригующий читателя, и одновременно отразил характерный для его художественных исканий мотив остановки в пути. Вечер у Клэр для главного героя романа – это толчок к возвращению в прошлое, возможность оглянуться назад и одновременно отразить отношение к настоящему, которое большей частью ощущимо в размышлениях об ушедшем времени. Автобиографический герой Г. Газданова «в высокой степени саморефлектирующий, объясняющий себя человек. В отличие от того же Набокова, у Газданова значительно больше введливой и при этом прямо, отчетливо проговариваемой психологической интроспекции, вкуса к самонаблюдению и самоотчету» [5, с.78].

Роман начинается повествованием о встрече в Париже главного героя Николая, русского эмигранта, с Клэр, которую он полюбил еще в юные годы на родине и о свидании с которой мечтал целых десять лет. Встреча, ставшая воплощенной реальностью, в определенной мере приносит разочарование и подталкивает героя к размышлениям о прошлом – о том прошлом, которое было наполнено чувством влюбленности, чувством счастливой устремленности к недостижимой и столь желанной Клэр. «Я думал о Клэр, о вечерах, которые я проводил у нее, и постепенно стал вспоминать все, что им предшествовало; и невозможность понять и выразить все это была мне тягостна. В тот вечер мне казалось более очевидно, чем всегда, что никакими усилиями я не могу вдруг охватить и почувствовать ту бесконечную последовательность мыслей, впечатлений и ощущений, совокупность которых возникает в моей памяти как ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения» [1, с.26].

Автобиографический герой Г. Газданова, уходя памятью в прошлое, прежде всего окунается в мир собственных ощущений, впечатлений, переживаний; повествование же о тех, кто окружал Николая, кто оставил след в его судьбе, носит характер

припоминаний, картин-вспышек. «Газданова упрекали, – акцентирует Ст. Никоненко, – что персонажи в его произведениях часто никак не связаны друг с другом, случайно появляются и случайно исчезают, что в его вещах нет стройной композиции, что у них особая архитектура, что автор никак не найдет своей темы... И вместе с тем, говорили критики, – блестяще, талантливо написано» [4, с.10]. Действительно, были все основания для столь противоречивых суждений, и вместе с тем неоспорим тот факт, что Г. Газданов прежде всего неповторим в ритме повествования, он завораживает, очаровывает читателя суммой тех слагаемых, которые прежде всего ощутимы в особом звучании его прозы. Здесь уместно вспомнить рассуждение А.В. Чичерина о том, что «...исходные позиции ритма – в поэтическом строе речи, в интонационной и синтаксической форме, дальнейшее развитие – во внутренней и внешней структуре образов, итоговый ритм – в движении сюжета, в самом общем характере творчества каждого писателя» [7, с.172-173]. Повышенная музыкальность речи и способствует созданию «подлинной прозы» [7, с.173].

Неповторимое *звучание* слова Гайто Газданова с особой силой раскрывает глубины внутренних исканий героя: «Жизнь моя казалась мне чужой. Я очень любил свой дом, свою семью, но мне часто снился сон, будто я иду по нашему городу и прохожу мимо здания, в котором живу, и непременно прохожу мимо, а зайти туда не могу, так как мне нужно двигаться дальше. Что-то заставляло меня стремиться все дальше, – как будто я не знал, что не увижу ничего нового. Я видел этот сон очень часто. Я нес в себе бесконечное количество мыслей, ощущений и картин, которые я испытал и видел, – и не чувствовал их веса» [1, с.70].

По наблюдениям С. Семеновой, «портрет, который пишет с себя Николай, и необычен, и предвосхищающе обычен для будущих героев экзистенциальной литературы» [5, с.79], ему свойственна неспособность отличать усилия воображения от подлинных чувств, он лишен в определенной мере интереса к внешним событиям, его одолевает чувство беспричинной печали, «чуждости себя другим и миру», для него характерны «постоянные попытки ощутить ускользающее собственное *подлинное* существование» [5, с.79].

Случай, случайность занимают центральное место в художественном мире Г. Газданова. Случайной была и первая встреча героя с Клэр; единственное, что следует почеркнуть, – Николай жил в этот период ощущением чего-то особого, непредсказуемого. Новая эпоха, как подчеркивает герой-повествователь, «вот-вот должна была наступить: смутное сознание ее нарастающей неизбежности всегда существовало во мне, но раздроблялось в массу мелочей: я как будто стоял на берегу реки, готовый броситься в воду, но все же не решался, зная, однако, что этого не миновать: пройдет еще немного времени – и я погружусь в воду и поплыву, подталкиваемый ее ровным и сильным течением» [1, с.60]. Прозу Гайто Газданова называют магической, и одним из средств проявления «магического» является «интенсивная мифологизация создаваемого художественного мира... претворение внутреннего мира произведения во вневременное пространство мифа и способствует осуществлению последней составляющей данной модели, воплощению полноты человеческой экзистенции» [2, с.291]. Герой-повествователь, как мы можем заметить, указывает на «невозможность понять и выразить» все то, что хотелось бы ему восстановить в памяти и в слове, – и все же он к этому идет, отыскивая ряд только ему свойственных средств воссоздания не только картин прошлого, но прежде всего

«мыслей, впечатлений и ощущений». Как указано героем-повествователем, это своеобразное желание восстанавливать картины прошлого и жить ими появилось еще в его детские годы: «Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограниченна, я не подчинялся никому, ничьей воле; и долгими часами, лежа в саду, я создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел, и эта постоянная забава моей фантазии постепенно входила в привычку. Потом сразу наступил такой период моей жизни, когда я потерял себя и перестал сам видеть себя в картинах, которые себе рисовал» [1, с.29].

Разные этапы своей жизни восстанавливает Николай, уходя памятью в прошлое: здесь повествуется и о пристрастии его к литературе, и о своеобразном «вхождении» в судьбы героев литературных произведений – автор-повествователь на определенном этапе будто живет жизнью тех, о ком узнал из книг. Значительное место в романе занимает повествование о войне, революции, о движении жизни в необычном для героя русле. В определенной мере это тоже «очередной экзистенциальный опыт для познания и самопознания: проверить себя в крайней...пограничной ситуации, посмотреть, как в ней поворачиваются и обнажаются люди. Его белое добровольчество лишь зигзаг внутреннего сюжета, экзистенциальной авантюры» [5, с.81]. Путь автобиографического героя романа «Вечер у Клэр» с его остановкой в Париже является для читателя возможностью осмысления вопроса о смысле бытия, о месте человека в водовороте исторических событий. Но прежде всего роман открывает замечательную область авторских разысканий в сфере языка, мелодики, что реализовывается в первую очередь в строении фразы. Действительно, «в мире Газданова, при всей его тонкой красоте, мало радости, мало света, что... прекрасно просматривается в его пейзажах: синий, черный, серый цвета, – ночь, вечер или раннее утро, – туман, дождь или снег, – неясные очертания деревьев, желтые фонари и огни домов с их представляемым уютом, мимо которых проходят герои писателя, ажурный холод решеток и мостов, движущаяся вечно вода – вот постоянный фон его романов. В них щемящая любовь к жизни и друг к другу, грусть. Тоска по утраченному бессмертию и составляют тот «лирический фон», о котором писали критики, начиная с Марка Слонима» [6, с.667].

Роману свойственна кольцевая композиция: финал романа – это устремленность героя к новому этапу жизни, но вместе с тем и надежда обрести потерянное счастье: «Под звон корабельного колокола мы ехали в Константинополь; и уже на пароходе я стал вести иное существование, в котором все мое внимание было направлено на заботы о моей будущей встрече с Клэр, во Франции, куда я пойду из старинного Стамбула. Тысячи воображаемых положений и разговоров роились у меня в голове, обрываясь и сменяясь другими: но самой прекрасной мыслью была та, что Клэр, от которой я ушел зимней ночью, Клэр, чья тень заслоняет меня и когда я думаю о ней, все вокруг меня звучит тише и заглушеннее, – что эта Клэр будет принадлежать мне ...во влажной тишине этого путешествия изредка звонил колокол – и звук, неизменно нас сопровождавший, только звук колокола соединял в медленной стеклянной своей прозрачности огненные края и воду, отделявшие меня от России, с лепечущим и сбывающимся, с прекрасным сном о Клэр» [1, с.127].

Завершая наблюдения над особенностями художественного мира романа Гайто Газданова «Вечер у Клэр», следует подчеркнуть: писатель первым своим романом заявил, что самым важным в процессе создания художественного произведения является

способность автора неповторимо выразить свой внутренний мир, свое восприятие жизни, а для этого прежде всего необходимо найти соответствующие художественные средства.

Попытка проникновения в художественный мир автобиографического романа Г. Газданова дает основания утверждать, что избранная тема может исследоваться и в дальнейшем в различных аспектах, включая возможность более глубокого осмысления отдельных мотивов (к примеру, мотива памяти и времени), реализованных в произведении.

Список литературы

1. Газданов Г. Вечер у Клэр: Романы и рассказы. – М.: Современник, 1990. – 591 с.
2. Васильев В.Е., Семенова Т.О. Литература русского зарубежья // Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы / Под ред. С.И. Тимоиной. – СПб: logos; М.: Высшая школа, 2002. – С.258-305.
3. Игнатив Н.Е. Тема творчества и творческой личности в автобиографическом романе Г. Газданова «История одного путешествия» // Мова і культура. Серія «Філологія». У 10-ти т. Вип.7. – Т.УІІ. – Ч.2. Художня література в контексті культури. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. – 2004. – С.353-359.
4. Никоненко Ст. Гайто Газданов возвращается на родину // Газданов Г. Вечер у Клэр: Романы и рассказы. – М.: Современник, 1990.
5. Семенова С. Экзистенциальное сознание в прозе русского зарубежья (Гайто Газданов и Борис Поплавский) // Вопросы литературы. – 2000, май-июнь. – С.67-107.
6. Сыроватко Л. Газданов-романист // Газданов Г.И. Собр.соч. В 3-х т. – Т.І. – М.: Согласие, 1996. – С.657-669.
7. Чичерин А.В. Ритм образа. – М.: Сов.писатель, 1980. – 396 с.

Поступила в редакцию 24.03.2006 г.